

Антибольшевистские силы вскоре изолировали Монголию и Маньчжурию от центральной России. В апреле 1918 г. началась гражданская война.

Итак, главным препятствием для успешного выполнения заданий «Монгольской экспедиции» являлось непостоянство курса рубля, который ежегодно рос, а также отсутствие предложения обмена в Монголии местного мяса на промышленные товары России или стран союзников.

Падение объемов импорта мяса в Россию в годы Первой мировой войны приходится на 1916 г. и значительно усиливается в 1917 г.

Причина этого явления заключалась в колебаниях курса русского рубля. Это было второй проблемой российских пограничных властей, которые также участвовали в организации этих закупок скота. Неуклонное падение русской валюты за весь период войны, приведшее к полному обесцениванию русского рубля, приводила и к срыву заготовок мяса.

Список использованной литературы и источников

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 5.
2. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 20.
3. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 28.
4. РГИА ДВ. — Ф. 384. — Оп. 1. — Д. 211.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, полковник полиции, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 11, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

Author

Vladimir V. Sinichenko — Doctor of History, Professor, Head of Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines, Police Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, 11 Lermontov St., Irkutsk, 664074, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

УДК 94 (518)
ББК 63.3(5Кит)

Б. Д. ЦЫБЕНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ДАУРОВ ХУЛУН-БУИРА (1911–1917)

Статья посвящена истории дауров Хулун-Буира 1911–1917 гг. Рассматриваются следующие вопросы: участие дауров в восстании 1912 г., статус Хулун-Буира в этот период, обучение даурской молодежи, освобождение Хайлара в 1917 г. от отряда Сэбжингэ.

Ключевые слова: дауры, чиновники, Хулун-Буир, восстание, статус, независимость, автономия.

B.D. TSYBENOV

TO THE HISTORY OF DAUR PEOPLE IN HULUN-BUIR 1911–1917

The article is devoted to the history of Daur people in Hulun-Buir 1911–1917. The authors examined such issues as participation of Daur in the uprising of 1912, the status of Hulun-Buir, education of Daur youth, Sebzhinghe expulsion from Hailar in 1917.

Keywords: Daur, officials, Hulun-Buir, uprising, status, independence, autonomy.

Дауры в начале XX в. проживали компактными группами в Хулун-Буире (Барге), Бутхе, Цицикаре, Синьцзяне. Небольшая группа дауров жила по Амуру, в районе Хэйхэ, а также в местности Хулан. В административном плане даурское население относилось к провинции Хэйлунцзян и входило в состав шести округов: 1) Цицикар, 2) Айгунь, 3) Мэргень, 4) Хулан, 5) Хулун-Буир, 6) Бутха. В настоящей работе мы решили осветить вопросы истории дауров Хулун-Буира, известных как «хайларские дауры». Их предки были переселены в Хулун-Буир из Бутхи в 1732 г. [11, с. 78], со временем эта группа дауров вступила в тесное этнокультурное взаимодействие с соседними баргутами, олетами, солонами. Поэтому историческое развитие хайларских дауров неразрывно связано с историей Хулун-Буира. Из среды дауров часто назначались чиновники. Они играли важную роль в жизни региона. Как писал англо-американский востоковед О. Латтимор: «В силу своей энергии, способностей и традиции занимать высшие должности, дауры монополизировали все высшие административные должности в Барге... Почти все образованные дауры (а таких много) читают и пишут по-маньчжурски... Образованные дауры владеют монгольским и китайским языками, и многие изучают русский. Говорят, что единственный учившийся в Америке монгол был дагуром. Много дагуров отправилось в Россию и Японию, чтобы получить высшее образование» [9, с. 100].

Начало XX в. для Хулунбуира ознаменовалось существенным ограничением внутренней автономии. С 1905–1906 г. в Хулун-Буир стали назначать чиновников — китайцев по происхождению и отводить земли для колонизации [7, с. 111]. В 1908 г. должность амбаня была упразднена, и вместо него был назначен китайский фудутун — наместник с правами губернатора провинции. В первый год периода сюаньтун (1909 г.) цинское правительство упразднило ямзнь (резиденция чиновника и его помощников) фудутуна Хулун-Буира и вместо него учредило должность даота с военными полномочиями [14, с. 73; 4]. Согласно отечественным источникам, на даотаев возлагались обязанности интендантов, сборщи-

ков соляного налога, заведывающих сношениями с иностранцами [5, с. 82]. В Хулун-Буир были введены китайские войска и полиция. Начались конфискации у местного населения скота, верховых животных. Нередко китайские солдаты применяли силу и заключали под стражу, были случаи избиения скотоводов из числа дауров, баргутов и солонов. Тем самым, действия войск и полиции способствовали росту антикитайских настроений в регионе. Чиновники из упраздненного аппарата амбаня обращались к администрации даотая с требованием прекратить случаи неподобающего обращения с населением. Однако новая администрация Хулун-Буира не сочла нужным рассматривать их требования. Как и везде во Внутренней Монголии, новая политика встретила жесткое сопротивление [12, с. 120]. Действия новых властей создавали предпосылки для начала борьбы, направленной против даотая, и в целом против идеологии китайского господства.

Высшие чиновники упраздненной администрации амбаня, из числа дауров, приняли самое деятельное участие в организации восстания в Хулун-Буире, ставшего позже известным как баргутское вооруженное восстание 1912 г. Чиновники — дауры участвовали в тайном съезде региональной знати в ноябре 1911 г., на котором было принято решение о провозглашении независимости Хулун-Буира. Например, известно об участии в тайном съезде начальника сомона белого знамени, даура Цэндэ, позже известного во Внешней Монголии как Цэнд-гун [12, с. 124]. Другой даурский чиновник Гуйфу возглавил организационную группу, отправившуюся в г. Харбин для переговоров о поставке оружия и боеприпасов с управляющими КВВД генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом и Е.И. Мартыновым. Переговоры были успешными, Мартынов отдал распоряжение о выдаче повстанцам требуемого количества винтовок с патронами и берданок [1, с. 10]. Данными о составе группы из Хулун-Буира мы не располагаем, однако учитывая большую задействованность чиновников-дауров в событиях 1912 г., можно предположить, что вместе с Гуйфу в группе могли находиться и другие представители высшей прослойки хайларских дауров. Основными причинами активного участия даурской знати в подготовке вооруженного восстания явились, на наш взгляд, во-первых, идеи всемонгольского национально-освободительного движения; во-вторых, замена института амбаней на администрацию фудутуней и даотаев в 1905–1909 гг., в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях.

В то же время среди даурской знати имелись люди, выразившие готовность к радикальным переменам, вплоть до обретения подлинной независимости и суверенитета Хулун-Буира. В этом моменте их идеи сближались с замыслами баргутов, находившихся под большим влияни-

ем национально-освободительного движения во Внутренней и Внешней Монголии. Есть мнение, что восстание было организовано даурским чиновником Шэнфу [12, с. 124]. Таким образом, даурские чиновники, входили в руководящее ядро вооруженного восстания, в то время как ведущей силой его стали баргуты. Поскольку мы не обладаем данными о непосредственном участии в вооруженном восстании остальной массы даурского населения, то можем предположить, что их задействованность была менее заметной на фоне организованного движения баргутских скотоводов. События зимы 1911–1912 г. разворачивались следующим образом: вооруженный отряд, созданный на тайном съезде в ноябре 1911 г., численностью более одной тысячи человек, 15 января 1912 г. захватил административный центр региона — г. Хайлар. Возглавили восставших начальник западного крыла новых баргутов Чэгжэ (баргут) и начальник олетского хошуна Шэнфу (даур). Восстановив институт амбаней, повстанцы провозгласили независимость Хулун-Буира. 18 января 1912 г. Шэнфу отправил Богдо-гэгэну телеграмму с просьбой принять население Хулун-Буира в свое подданство и присоединить их земли к Халхе [4]. Этот факт характеризует Шэнфу как сторонника объединения монгольских территорий в рамках одного государства. Была ли это его воля, или же она была продиктована революционно настроенным большинством сказать трудно, но ясно одно, что, оказавшись в руководстве во время бурных событий, даурский деятель сумел принять быстрое и ясное решение, четко обозначившее позицию большинства населения Хулун-Буира. Тогда же, в январе 1912 г. в Нийслэл-Хурэ (Урга) отправилась делегация из Хулун-Буира. Основной целью делегации являлось обсуждение вопроса о присоединении региона к независимой Монголии.

4 февраля 1912 г. повстанцы во главе с Чэгжэ штурмом овладели крепостью Любинфу (около ст. Маньчжурия). Китайский гарнизон под командованием Чжен Шучжена насчитывал около 100 чел. солдат. К моменту описываемых событий, значительного контингента китайских солдат на охрану территорий, граничащих с Россией, не выделялось, поскольку имелись русско-китайские договоренности [1, с. 10]. В результате переговоров китайский гарнизон сдал оружие и на лошадях и по железной дороге выехал за пределы Хулун-Буира. Несмотря на выдворение китайских чиновников и солдат, военный инспектор провинции Хэйлуцзян Сун Шулян издал 12 февраля 1912 г. приказ о мобилизации войска, поселенного в Хулун-Буире. Он также одобрил восстановление института амбаней и назначение Шэнфу амбанем, а Чэгжэ — помощником амбаня [13, с. 154]. Очевидно, провинциальные власти Китайской Республики, пытаясь осознать масштабы и последствия свершившегося восстания, принимали меры, рассчитанные на последующее развитие событий.

Тем временем, во Внешней Монголии разворачивались иные события. Несмотря на пышный прием и пожалования Богдо-гэгэном наград

и титулов, в ходе обсуждения вопроса о подданстве между делегацией Хулун-Буира и монгольскими чиновниками появились расхождения во мнениях. Как отмечал бурятский деятель Ц.-Е. Цыдыпов, «по возвращении делегации Барга решила воздержаться от прежних намерений и утвердила свое независимое положение» [1, с. 12]. Делегатам из Хулун-Буира не понравилась идея отдельных халхасских чиновников о прямом управлении регионом. Вопрос об управлении Хулун-Буиром, вероятно, обсуждался и после возвращения делегации. Тем временем, высшие чиновники Внешней Монголии все же полагали, что Барга (Хулун-Буир) признала власть ургинского правительства. Об этом упоминает в своем разговоре с российским дипломатом И.Я. Коростовцом да-лама Цэрэн-Чимид [2, с. 77]. Полностью поддерживая идеи народно-освободительного движения монгольских народов, некоторые даурские деятели перебираются в Ургу (монг. Нийслэл-Хурэ).

Рассмотрим краткую биографию одного из них, политического деятеля Цэндэ (1875–1935). Он известен также под именами Лонбэн, Луо Чжиндан. Его отец был богатым скотоводом. Перед началом периода новой политики Китайской Республики, Цэндэ работал в Хулун-Буире на должности начальника сомона белого знамени и одновременно был писарем. Известно, что он был женат на девушке по имени Хуаншаул из даурского рода говол. Она являлась сестрой чиновника Мингу и таким образом, приходилась тетей сыну Мингу — Мэрсэ. Выше мы уже отмечали, что Цэндэ в 1911–1912 гг. стал одним из главных действующих лиц восстания против династии Цин, организованном Шэнфу. Всеобщее национально-освободительное движение монгольских народов, развернувшееся в этот период, оказало сильное влияние на Цэндэ. В 1913 г. он переехал в Ургу в качестве писаря и женился второй раз на халхаске. Его вторую жену звали Дондог. Цэндэ принял участие в военных кампаниях во Внутренней Монголии, организованных Джебцзун-Дамба-хутухту. За хорошую службу ему был дарован титул «Бодолгату-батур гун». Вероятно, с этого времени он стал известен как Цэнд-гун. Впоследствии он был назначен заместителем министра иностранных дел в правительстве автономной Внешней Монголии и представителем от Хулун-Буира в правительстве Внешней Монголии. Очевидно, политика в этот период его уже не очень увлекала, поскольку с 1917 г. он стал заниматься научной деятельностью. Дело в том, что к тому времени был опубликована «Тайная история монголов» на китайском языке. И Цэнд-гун занялся переводом этого сочинения на современный монгольский язык. Возвращение Цэнд-гуна в Хулун-Буир состоялось в том же 1917 г., когда пришло известие о трагических событиях в регионе [12, с. 124].

Возвращаясь к вопросу о статусе региона в 1912–1915 гг., отметим, что он остается в исторической науке дискуссионным. Есть мнение, что на протяжении трех лет Хулун-Буир являлся неотъемлемой частью но-

вого монгольского государства [12, с. 121]. Здесь под новым государством имеется в виду Внешняя Монголия. С другой стороны, как отмечал С.Д. Дылыков, «широкое повстанческое движение баргутов привело в январе 1912 г. к провозглашению в Барге автономии по типу автономии Внешней Монголии [6, с. 28]. Неизвестно на данный момент, был ли подписан в 1912–1913 г. какой-либо секретный договор между Российской империей и Китайской Республикой относительно автономного статуса Хулун-Буира, подобный российско-китайской декларации о признании автономии Внешней Монголии от 23 октября 1913 г. Тем не менее, ясно, что регион стал фактически самостоятельным и независимым. Власти Хулун-Буира стали проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Например, отменили введенное ранее обучение в китайских школах и вернули систему школьного образования, основанную на подготовке писарей для ямэня. В эти годы многие студенты, обучавшиеся в г. Цицикар, бросили учебу и вернулись в Хулун-Буир, поскольку лишились регионального финансирования. Однако некоторые из них все же продолжили учебу в китайских городах. Среди них были и Мэрсэ (др. имя Гуо Даофу) и Фу Минтай (монг. имя Буянгэрэл), впоследствии ставшие одними из лидеров национально-освободительного движения во Внутренней Монголии.

Рассмотрим кратко биографию Мэрсэ в изучаемый период. До 1910 г. он обучался в школе восьми знамен г. Хайлара, где выучил монгольский и маньчжурский языки. Некоторым китайским словам и выражениям его научил проживавший в Хайларе китаец Чжай Вень. В 1910 г. отец отправил его на учебу в школу № 1 г. Цицикар. Несмотря на трудности, связанные с ломаным китайским, Мэрсэ хорошо учился и окончил школу в 1914 г., став первым в своем классе. В 1915 г. он поступил в Институт русского языка, прикрепленный к Министерству иностранных дел в Пекине. Здесь Мэрсэ впервые вступил в контакт с другими будущими членами Народно-революционной партии Внутренней Монголии, в частности, Бай Юньти и Алтан-Очиром. В этот период у Мэрсэ появились новые интересы, в частности, он изучал Библию. В начале 1917 г. он принял крещение в христианскую веру в китайской христианской церкви в Пекине [12, с. 123, 128].

Тем временем Китайская Республика пыталась восстановить свою власть в Хулун-Буире, однако, натолкнулась на противодействие со стороны Российской империи, которое не желало ввода в регион китайских войск и проведения колонизации [6, с. 28]. О самостоятельности внешней политики свидетельствует отправка Хулун-Буиром делегации в 1914 г. на открывшуюся Кяхтинскую конференцию. В ее составе, вероятно, были и даурские чиновники. Можно предположить, что там находился внук амбана Шэнфу по материнской линии, старший сын Гуйфу — Линшен (1886–1936). Он также был известен как Фусян, происходил из

даурского рода мэрдэн [12]. Конкретные цели поездки делегации Хулун-Буира, на данный момент нами не выяснены, можно предположить, что основной целью было присоединение региона к Внешней Монголии в качестве составной части и совместное отстаивание интересов монгольской независимости. Надо думать, что делегаты все же осознавали все трудности, связанные с признанием Хулун-Буира в качестве независимого государственного образования. По прибытии в Кяхту делегатов Хулун-Буира не допустили на заседания конференции. Причины невыяснены, вероятно, китайская и российская делегации выступили против их включения в состав монгольской делегации. Позиция китайских переговорщиков в этой ситуации, конечно же, вполне объяснима. Российская сторона, очевидно, не желала усугублять ход переговорного процесса включением вопроса о Барге (Хулун-Буире), который неминуемо повлек бы за собой и другие территориальные проблемы, включая Внутреннюю Монголию, Урянхайский край. Возможно, именно российские дипломаты выступили инициаторами недопущения хулун-буирской делегации к переговорам. Конечно, нами высказаны лишь догадки, и предстоит еще дальнейшая работа по реконструкции описываемых событий на основе первоисточников. По данным Л.В. Кураса, статус Барги или Хулун-Буирской Монголии — территории, населенной монголами также стал объектом переговоров Российской империи и Китайской Республики [8, с. 112]. Вопрос о статусе региона, очевидно, был поднят советниками монгольской делегации. Как известно, в качестве таковых участвовали в переговорах выходцы из Хулун-Буира — манлай-батор Ж. Дамдинсурэн (баргут) и Цэнд-гун (даур) [10, с. 24; 12, с. 124]. Как отмечает Б.В. Базаров, выводы делегации и в целом властей Хулун-Буира сводились к тому, что их интересы преданы во имя интересов России и Халхи. В частности, он пишет, что «сам по себе крупный и знаменательный шаг в национальной борьбе монгольских народов был разыгран за счет фактической сдачи позиций в Барге» [1, с. 13]. Итоги Кяхтинской тройственной конференции в мае 1915 г. разочаровали монгольский мир, особенно военных, которые в течение 1911–1913 гг. боролись за включение Внутренней Монголии в состав единого монгольского государства.

Однако перспектива дальнейшего автономного развития Внешней Монголии была не так плоха. По мнению Э.В. Батунаева, автономный статус, гарантированный Россией и Китаем с широким набором полномочий монгольского правительства и с формальным суверенитетом, позволил на деле начать путь к строительству независимого государства [3, с. 62]. После решения проблемы Внешней Монголии, Российская империя и Китайская Республика в октябре 1915 г. заключили соглашение о Барге, закрепив за ней ряд автономных прав и оставив в прямом управлении Китая [8, с. 112]. Таким образом, статус региона был определен как автономия в составе Китая. В «Соглашении о Хулун-Буире,

заключенном между Китайской Республикой и Россией» говорилось, что «Хулунбуир является особой территорией, находящейся в прямом подчинении центрального правительства, под контролем губернатора провинции Хэйлуцзян». В нем также отмечалось, что «президент Китайской Республики назначает на должность дэд-амбаня Хулун-Буира. Дэд-амбань обладает полномочиями главы провинции» [13, с. 154]. Как мы видим, в 1915 г. Внешняя Монголия и Хулун-Буир получили статусы автономий, однако, дальнейшее их развитие было неодинаковым.

Ситуация на границе с Хулун-Буиром, в Восточной Монголии была в 1915–1917 гг. довольно напряженной. Дело в том, что по итогам Кяхтинской конференции правительство Внешней Монголии предложило выходцам из Внутренней Монголии оставить территорию автономии. Отряды южномонгольских князей стали грабить мирное население [1, с. 13]. В 1916 г. остатки отряда погибшего к тому времени Бабужава, во главе с заместителями Сэбжингэ и Бумбажавом, расположились в районе р. Халхин-гол и потребовали помощи от амбаня Хулун-Буира. Однако Шэнфу отказал им. В июне 1917 г. отряд Сэбжингэ и Бумбажава, насчитывавший несколько тысяч солдат, захватил г. Хайлар и прилегающие к нему селения мн-айл и Баруун-айл. Они упразднили ямэнь амбаня Хулунбуира. Вместо него было создано новое учреждение под названием «ямэнь военных чиновников» (монг. яз. «дайчилан захирагчи сайдын ямун»). Чэгжэ, один из руководителей восстания 1912 г., был назначен военным управляющим. Известно, что ссылаясь на болезнь, он так и не работал на этой должности. Заместителем Чэгжэ был назначен Бангунжав. В период оккупации Хайлара отрядом Сэбжингэ большое количество даурского населения г. Хайлар, селений Өмнө-айл, Баруун-айл, Мэхээрт было вынуждено в спешном порядке бросить свои дома и уйти в местности Жидан-гол, Жалан-айл, Цицикар, Нэнгэнси [13, с. 155]. Шэнфу и другие чиновники-дауры также прибыли в Цицикар, где они подали прошение администрации провинции Хэйлуцзян о помощи и выделении войска провинции для освобождения Хайлара. Однако их планы не получили поддержки. Шэнфу, как глава автономного правительства, запросил помощи у центрального правительства в Пекине. Он также обратился к российским войскам охраны на линии КВЖД, российским властям в Чите. Вернувшийся в Хайлар и успевший побывать в плену у отряда Сэбжингэ, Цэнд-гун был отправлен обратно в Ургу, чтобы просить помощи у Богдо-гэгэна.

Поскольку все миссии оказались бесплодными, даурские чиновники решили сами изгнать захватчиков [12, с. 126]. Гуйфу, Линшен, Рунан, Пургету тайно прибыли в г. Маньчжурия, где установили контакты с баргутскими чиновниками и организовали тайное собрание делегатов. На собрании было принято решение о создании кавалерийского войска из 1200 человек и взятии г. Хайлар. Основное ядро отряда должны были

составить баргуты [13, с. 155]. По данным очевидца тех событий, бурятского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова, основную роль в организации всех мероприятий сыграл Линшен, который вербовал дауров, солонов, баргутов Хуучин-Барги. К нему примкнули и многие баргуты Новой Барги. Собранный отряд в несколько сотен чел., русские власти снабдили оружием и патронами. Вместе с отрядом выступил 4-й конный полк пограничной стражи Заамурского округа [1, с. 14]. Утром 16 августа 1917 г. отряд во главе с Гуйфу совместно с российским конным полком начали штурм Хайлара. Сражение продолжалось до вечера следующего дня и завершилось взятием города. Отряд Сэбжингэ отступил в район Халхин-гола. По данным С. Д. Дылыкова, «превратившись в банду грабителей, он был ликвидирован китайскими войсками в начале 1920 г. [6, с. 29]. После восстановления власти ямэня амбаня Хулун-Буира, дауры, ранее перебравшиеся в другие местности, стали возвращаться в родные селения. В 1917 г. вернулся в Хулун-Буир и Мэрсэ. Занятие войсками Сэбжингэ Хайлара нанесло сильный удар по его семье, мать и дядя были убиты. Семейные финансы находились не в лучшем состоянии, поэтому Мэрсэ больше не мог обучаться в Институте русского языка. Таким образом, он не смог завершить образование и получить диплом. Однако его теперь интересовал вопрос об основании школы в Хайларе [12, с. 132].

Изучение истории дауров Хулун-Буира в 1911–1917 гг. показывает, что высшие чиновники бывшей цинской администрации, дауры по национальности, явились одними из организаторов восстания 1912 г. и ликвидации остатков отряда Бабужава в 1917 г. Выяснено, что некоторые даурские деятели, находясь под сильным влиянием монгольского национально-освободительного движения, переехали в Ургу, где развернули активную деятельность. В этот период проходили обучение в китайских городах даурские юноши Мэрсэ и Фу Минтай, ставшие впоследствии лидерами монгольского национально-освободительного движения.

Список использованной литературы и источников

1. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2002. — 67 с.
2. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / Э. В. Батунаев. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2015. — 160 с.
3. Батунаев Э. В. От провозглашения независимости Монголии до формирования Кяхтинской тройственной системы 1911–1915 гг. / Э. В. Батунаев // Известия Восточного института. — 2015. — № 3 (27) — С. 57–63.
4. Белов Е. А. Русско-китайские отношения в 1911–1915 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Белов. — М., 1993. — 35 с.
5. Домбровский А. Маньчжурия / А. Домбровский, В. Ворошилов. — СПб. : Просвещение, 1904. — 221 с.
6. Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае / С. Д. Дылыков. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. — 133 с.

7. Кузьмин С. Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дис. ... д-ра ист. наук / С. Л. Кузьмин. — М., 2016. — 584 с.

8. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 252 с.

9. Латтимор О. Главы из книги «Монголы Маньчжурии» (пер. с англ. Н. Шастиной) / О. Латтимор // Современная Монголия. — 1936. — № 3. — С. 86–121.

10. Цолмон Г. Страницы истории барга-монголов / Г. Цолмон // Регион в приграничном пространстве : материалы межд. науч. конф. / гл. ред. Е. В. Дроботушенко. — Ч. 1. — Чита : Забгу, 2016. — С. 22–27.

11. Цыбенев Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенев. — Улан-Удэ : изд-во ВСГУТУ, 2012. — 252 с.

12. Atwood C. P. Young Mongols and vigilants in inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931 [Младомонголы и каратели во Внутренней Монголии в период междувластия, 1911–1931] / C. P. Atwood. — Leiden; Boston; Köln : Brill, 2002. — 1168 p. (на англ. яз.)

13. Дауур үндүсүтөн-ү тобчи тейке [Краткая история даурского народа] / найрагүлан биçикү дүүууиланг найрагүлала; Мен Ди Дун, Ылжейитү, Байар [коллектив авторов; Мэн Жидун, Улзейту, Баяр]. — Kökeqota : Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1989. — 300 с. (на старомонг. письм.)

14. Dawuerzu jianshi [Краткая история даурского народа] / xiū ding běn biān xiě zǐ biān xiě. Xiū ding běn [перераб. и допол. изд.]. — Beijing : Minzu chubanshe, 2008. — 177 с. (на кит. яз.)

Информация об авторе

Цыбенев Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: bazar75@mail.ru.

Author

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Scientific Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: bazar75@mail.ru.